

На мой взгляд, она была очень впечатляющей женщиной, с которой можно было брать пример.

Кресло с откидной спинкой, на котором мы с Цзюцяньсуем отдыхали, было довольно просторным. Несмотря на то, что мои ограниченные знания не помогли мне полностью оценить его изысканность, я все же мог ощутить, насколько ценным было использованное дерево, и восхититься тонким мастерством, с которым было изготовлено кресло. Стул был покрыт гладкой, мягкой и прохладной шелковой тканью, к нему даже была заботливо привязана пухлая подушка. Если бы я был один, я мог бы позволить себе удобно растянуться на этом стуле, но, когда рядом со мной лежал Цзюцяньсуй, в кресле было довольно тесно. Чтобы не опираться своим весом на руку Цзюцяньсуя, мне пришлось слегка сместиться в сторону.

Это была не самая удобная поза для лежания, но, к счастью, и не слишком неудобная. В тот момент, когда наш разговор прекращался, все вокруг погружалось в абсолютную тишину. Под ласкающим меня, убаюкивающим меня легким ветерком, все, что у меня осталось, — это след сознания, все еще активно стремившегося заняться мыслью.

Хотя Цзюцяньсуй был на шесть лет старше меня, в двадцать три года меня нельзя было назвать «молодым». Однако, если бы я подумал об этом под другим углом... Когда ему было тринадцать лет, мне было семь... Могло ли быть так, что более десяти лет назад что-то произошло между ним и мной?

На самом деле, в последнее время я снова и снова размышлял над этим вопросом, но правдоподобного ответа мне так и не пришло. Интересно, когда именно глубокая привязанность Цзюцяньсуя ко мне зародилась в его сердце и как?

Естественно, это не могла быть так называемая «любовь с первого взгляда», как упоминалось в тех причудливых сказках о Цзянху. Накануне Праздника Весны, когда Цзюцяньсуй получил мою собственность от Его Королевского Высочества, я сгорбился и встал на колени у ног Его Королевского Высочества и даже не удосужился уделить ему прямой взгляд; не говоря уже о том, насколько глубокими были его знания обо мне с самого начала, такие как мое отвращение к острой пище или моя старая травма левой лодыжки.

Однако из всех моих воспоминаний до кануна Праздника Весны у меня никогда не было никакого контакта с Цзюцяньсуем. У нас было несколько случайных встреч, прежде чем я покинул дворец вслед за Его Королевским Высочеством. Тем не менее, тогда он был просто никем, служившим бывшему начальнику Восточного депо, и уж точно не имел со мной никаких связей.

Мои воспоминания были яркими с тех пор, как я вошел во дворец в возрасте пяти лет. Я вспомнил год, когда мне было семь лет, и еще в том году...

Нет.

Насколько я помню, никаких следов Цзюцяньсуй не было.

Седьмой год моей жизни был для меня особенным, поэтому воспоминания о нем были еще совсем свежи. После того, как мы, группа маленьких детей, прошли вместе два года интенсивного обучения, многие из группы были исключены из наших тренировок, поскольку у них не было способностей к кунг-фу. После этого оставшиеся ученики были разделены на две группы: боевых гвардейцев и гвардейцев-разведчиков, основываясь на наших данных о телосложении и подготовке. Кроме того, наши старшие специалисты, те, кто был переведен в свои подразделения на два года, также прошли второй тур отбора, и поэтому была отослана еще одна партия менее способных кандидатов.

Группа учеников, с которой я вошел во дворец, уже была самыми зелеными кандидатами в тайные гвардейцы, и я был самым молодым среди них. В результате я часто получал заботу и внимание от своих старших и однокурсников, которые были на несколько лет старше меня. В те дни внезапных и резких перемен в кандидатах мое сердце надолго занимала непрекращающаяся печаль. Сначала я со слезами на глазах прощался со своими старшими товарищами по партии, которых отослали. Они все были для меня как братья. И всего несколько дней спустя я снова плакал, прощаясь с братьями, которым было поручено быть боевыми гвардейцами. Наконец, сумев, наконец, вступить в гвардейские разведчики, мне пришлось столкнуться с очередным расставанием, зная братьев из предыдущей партии всего около полумесяца.

Наше товарищество тогда было поистине искренним, но поскольку людей было так много и все это произошло так много лет назад, лица почти сотни мужчин, которые когда-то были рядом со мной, стали довольно размытыми в моей памяти. И все же единственное, в чем я был уверен, это то, что ни один из обладателей этих лиц не разделял со мной близость, выходящую за рамки братской привязанности, и никто из них не был таким красивым или элегантным, как Цзюцяньсуй.

Кроме того, говорилось, что евнухов обычно готовили к кастрации в молодом возрасте. Это связано с тем, что, если мальчик старше 9 лет, это не только усилится боль во время процедуры, но и возрастет смертельный риск чрезмерного кровотечения после работы с ножом.

Я не знал, когда Цзюцяньсуй был кастрирован или когда он вошел во дворец, но, логически говоря, он не должен был быть одним из тех кандидатов в тайные гвардейцы, с которыми я общался, и он определенно не мог знать меня в мои 7 лет.

Правила дворца были самыми строгими. За исключением наших учителей и товарищей-учеников, я никогда не встречался ни с кем до того, как мне исполнилось десять лет.

Однако если у нас действительно были какие-то другие взаимодействия, то это было еще менее вероятно после того, как я покинул дворец с Его Королевским Высочеством или после того, как Цзюцяньсуй стал начальником Восточного депо.

Это слишком странно.

Чем больше я об этом думал, тем больше запутывался. И чем больше я думал об этом, тем более потерянным я себя чувствовал.

Мои веки стали тяжелее, и мое зрение начало становиться размытым, создавая в моих глазах два изображения, которые перекрывались.

Я почувствовал внезапное давление на плечо — мое тело, лежавшее на боку, прижалось вниз. Большая часть моего тела теперь опиралась на Цзюцяньсуй, а голова естественным образом лежала на его плече.

"Спокойной ночи."

Одной рукой нежно поглаживая меня по затылку, а другой мощно и твердо поддерживая мою талию, Цзюцяньсуй освободил меня от любых необходимых усилий, чтобы закрепиться на кресле с откидной спинкой.

Я чувствовал запах сандалового дерева вокруг себя и ощущал его вкус, который заключил меня в свои почти твердые объятия. Слово наделенный таинственной гипнотической силой, аромат привел мою душу к полному расслаблению, а тело смиренно позволило сну окутать себя.

Я глубже уткнулся лицом в него, наслаждаясь его мягкостью и тем, как сильно он обожает меня.

Прежде чем я успел это заметить, я уже весь день проспал в объятиях Цзюцяньсуй.

Из-за отсутствия физических упражнений у меня началось расстройство желудка, и я проснулся без аппетита. Ко времени ужина Цзюцяньсуй специально поручил кухне приготовить миску нежного для желудка отварного мясного фарша, а также сладкие крабовые клецки на пару и без тяжелых приправ. Пельмени были восхитительными, поэтому было жаль, что из-за раздутого желудка мне удалось съесть только два.

Горничная, ожидавшая нас сегодня у стола, была еще одним знакомым лицом, которое часто можно было увидеть в спальне Дюгоней, но она не была А Юань. После тщательного размышления я понял, что не видел А Юань целый день. Мое внимание сразу же привлекло замешательство, когда я повернулся к Цзюцяньсуй и спросил: «А Юань взяла отпуск?»

После наших признаний друг другу я наконец узнал, что в особняке Дюгоней на самом деле не соблюдаются строгие правила о молчании во время еды. Просто в первые несколько дней моего пребывания здесь я не осмеливался говорить, когда хотел. Таким образом, Цзюцяньсуй предположил, что я привык не разговаривать за обеденным столом, исходя из своего опыта в

особняке Шуньван, поэтому он никогда не начинал со мной разговора.

Цзюцяньсуй подтянул корзину с остатками пельменей на несколько дюймов ближе к себе, взял два палочками для еды и положил в свою миску. Он не проявил никакого нежелания съесть мои остатки и не почувствовал, что это ниже его достоинства. «Сегодня она взяла отпуск по болезни, так как все еще испытывает некоторые последствия от лекарств, которые ей дал Линь Ван».

"Последствия?" Я сделал короткую паузу и тут же отложил палочки для еды, нетерпеливо спрашивая: «Они повредили ее телу? Это серьезно?"

Из-за меня Линь Ван накачала ее наркотиками. Если бы с ней что-нибудь случилось, я боялся, что мое сознание будет страдать день и ночь.

К счастью, Цзюцяньсуй покачал головой и дал отрицательный ответ. «Ничего серьезного. Она обратилась к врачу, и ее здоровье должно восстановиться после пары дней отдыха».

Я вздохнул с облегчением.

Хотя мы с А Юань редко общались и не были особенно близки, с тех пор, как я переехал к Цзюцяньсую, моя повседневная жизнь во многом зависела от ее заботы. И, вероятно, благодаря своему многолетнему опыту служения Цзюцяньсую, она была собранной и спокойной, способной выполнять свои задачи и превосходно управляющей особняком. Она даже уделила пристальное внимание моим мельчайшим привычкам, о которых я не подозревал. Хотя А Юань относилась ко мне как к своему хозяину из-за Цзюцяньсуя, в глубине души я никогда не считал ее кем-то ниже себя. На мой взгляд, она была очень впечатляющей женщиной, с которой можно было брать пример.

Что касается этого случая с лекарствами, я полагаю, мне нужно будет найти возможность извиниться перед ней...

<http://bllate.org/book/14094/1239625>